

СВЕТЛАНА ЗАХАРОВА:

Мне интересны перемены...

Кудьтура. - 2003. - 18-24 сент. - с. 13

Светлана ЗАХАРОВА — 24-летняя звезда Мариинского театра совершила крутой вираж в своей судьбе. Теперь она будет танцевать на сцене ГАБТа. Не как гостя, а в качестве прима-балерины. Большой театр приобрел еще одну "парадную" балерину, которая сможет достойно представлять Большой балет не только в собственных стенах, но и на гастролях. А в январе труппу ожидают выступления в Париже, и в этом турне будет принимать участие экс-петербурженка. Светлана Захарова выросла на уроках Вагановской школы, подарившей миру, в том числе и Большому театру, знаменитых балерин — Галину Уланову, Марину Семенову, которые когда-то так же переехали из Ленинграда в Москву. Впрочем, жительницей Санкт-Петербурга Захарова стала именно благодаря балету и своему участию в Международном конкурсе молодых танцовщиц Vaganova-Prix, где она получила вторую премию.

— Светлана, как вы попали в Вагановское училище, да еще и окончили его на год раньше, чем ваши одноклассники?

— Я прочитала шесть лет в Киевском хореографическом училище и должна была идти в седьмой класс. А когда приехала на балетный конкурс в Петербург, набралась смелости и подошла к директору училища, спросила, могу ли я закончить учебу здесь. Неожиданно меня взяли сразу в выпускной класс. Когда я спросила, почему, мне ответили: "Тебе, Света, надо скорее в театр идти работать, набираться опыта".

— Это означало, что вы были уже достаточно подготовлены и владели секретами мастерства?

— Нет, я была довольно слабой. Когда я пришла в Вагановскую академию, мои одноклассники в отличие от меня уже танцевали разные па-де-де и фрагменты классики. Для меня все было новым. Но у меня была хорошая школа. Мой педагог в Киеве, Валерия Ивановна Сулегина, учила по методике Вагановой. Придя в петербургское училище, я многое знала и делала даже лучше, чем мои товарищи по классу.

— В школьные годы вы танцевали в спектаклях?

— В Киеве — редко, так как чаще всего не подходила по каким-то параметрам. К тому же я была интернатовской, без блата и знакомств, а в то время в репертуарных спектаклях танцевали в основном дети обеспеченных родителей. Мне, конечно, было обидно. А когда я перешла в Вагановское училище, почти сразу станцевала па-де-де в "Щелкунчике". Это был мой дебют. Через пару месяцев выступила в "Дон Кихоте". У нас была стажерская группа, в которую входили те учащиеся, которые будут работать в Мариинском театре. Я помню, что первой из этой группы танцевала Повелительницу дриад на общей репетиции. В зале было очень много народу, пришли артисты, наш директор. Я очень волновалась, но когда закончила, то услышала аплодисменты и подумала: "Ну все! Главный экзамен сдан".

— Как вам танцевалось на сцене Мариинки?

— Мне казалось, что это очень сложная сцена. Почему-то репетиции мне давались легче, чем спектакли. Может быть, от волнения. Со временем, когда с театром ездила на гастроли по разным городам, я смогла сравнить эту сцену с другими. Для меня легче танцевать на ровной сцене, а в Мариинке и Большом есть наклон, что усложняет выполнение многих движений. Например, вращения. Многие значит и покрытие. Мне, например, очень нравится танцевать на удобной сцене Нового национального театра в Токио.

— Какие эмоции владеют вами перед выходом на сцену?

— Я всегда волнуясь, иногда волнение возникает за несколько дней до спектакля. В большей степени это происходит на чужих площадках. Но для меня лучше волноваться, чем быть спокойной, тогда я слышу музыку, я растворяюсь в спектакле, в своей роли, я собрана.

— Вы танцевали разные версии "Лебединого озера", какая из них вам ближе?

— Мне очень нравится та, что идет в Гранд-Опера в постановке Рудольфа Нуриева. Поразительно красивые костюмы. В последнем акте подчеркнута трагическое звучание музыки. Нуриевская хореография очень подошла мне и по моим данным.

— Вы не путаетесь в текстах этих разных редакций?

— Так странно получается — я приезжаю в театр, в другую страну, учу спектакль, но как только уезжаю из той страны, движения забываю. Единственный раз был казус, когда я танцевала в Лондонском Альберт-холле — это огромный зал на 6 тысяч зрителей со сценой, похожей на арену цирка. На этой огромной сцене "помещается" 60 "лебедей" — в два раза больше, чем на сцене любого театра. Это "Лебединое" пришлось полностью выучить. Причем адажио и вариации нужно было танцевать, чтобы все видели — люди же сидят по кругу. А третий акт поставлен так, что необходимо постоянно бегать из одного конца сцены в другой. Было очень тяжело, дыхания не хватало. В какой-то момент я дотанцевала до середины сценической площадки и вдруг поняла, что у меня вылетело из головы, куда бежать дальше. Тогда мне помог Сергей Филин, который был моим партнером. Вот этот спектакль мне на всю жизнь запомнился!

— А когда вам приходится учить новый спектакль, с чего вы начинаете?

— Когда я берусь за какой-то спектакль, сначала осваиваю его технически. Я должна быть не просто уверена в себе, мое тело должно чувствовать себя комфортно в новых комбинациях, в новых движениях. Они должны стать моими. Затем начинаю обдумывать роль. Но это не значит, что я не думаю о ней раньше, но на первых репетициях мне трудно все сразу соединить. Когда я учила, например, "Ромео и Джульетту", — брала пьесу Шекспира и перечитывала. Но мне все время хочется все сделать по-своему, потому что я чувствую по-другому. То же "Лебединое", — я понимаю, что в нем столько "воды", которую зрители не понимают, что все это можно станцевать по-другому, более насыщенно. К сожалению, нам нельзя менять хореографию, но кое-что можно заменить более понятными движениями.

— А как вы готовили "Лебединое озеро"?

— Когда я первый год работала в театре, то танцевала в "Лебедином" Невесту. Я любила эту роль, потому что после нашего танца мы садились на скамеечку на сцене и смотрели па-де-де Одиллии и Зигфрида. Меня не интересовало, кто падает, кто нет, я смотрела и думала, вот в этом месте я сделала бы так, а в этом — иначе. И, наверное, поэтому на моей премьере Одиллия получила лучше Одетты, хотя все считали, что должно быть наоборот. Но Одетта — безграничная роль: каждый спектакль она другая, каждый раз испытываешь новые чувства и иные эмоции. Чистоту, незащищенность, мягкость передать сложнее, а роль Одиллии легче. Вышла, глазами туда-сюда поводила... и все в порядке. Очень многое, конечно, зависит и от партнера.

— Кого из солистов Большого

театра вы хотели бы видеть своим партнером?

— В прошлом сезоне я несколько раз танцевала с Николаем Цискаридзе. Думаю, что у нас получился хороший дуэт на сцене. Когда мы начали готовить "Жизель", я переживала, что он будет гнуть в свою сторону, я — в свою, и мы будем танцевать каждый сам по себе. На репетициях мы с ним, конечно, обо всем договорились, но спектакль — другое дело. Перед зрителями возникает какое-то иное состояние. Однако с первой же встречи с партнером на сцене я вдруг почувствовала: он — Альберт, я — Жизель, и поняла, что спектакль получится. Конечно, партнер многое дает партнерше, и наоборот. Поэтому и спектакли бывают разные, а такие "единые", как случилось весной в Москве, — нечасто, и их, к сожалению, очень трудно повторять. Во время таких спектаклей полностью выкладываешься и долго восстанавливаешься.

— И как у вас происходит восстановление?

— Весь следующий день отдыхаю. Просто лежу, слушаю музыку, читаю. Потом постепенно начинаю заниматься. Мне нравится быть дома, хлопотать по хозяйству, но времени на это не хватает. Домашними заботами занимаются мама и брат. Я могу подмести пол, конечно, салат сделать. Хотя готовить я вообще не умею, да и желания нет. Ведь к приготовлению блюд нужно подходить с чувством. А вот мыть посуду я люблю. Недавно поймала себя на мысли, что когда делаю это, то ни о чем, кроме посуды, не думаю. Это отдых какой-то для меня!

— А в кино ходите? "Матрицу" новую, например, видели?

— Нет еще. Недавно только первую часть посмотрела, и так меня поразили спецэффекты! Хотя больше нравятся кинокомедии, с Джинсом Керри, например, или классика. Не люблю фильмы, где нужно переживать и дрожать от ужаса.

— Вы работали в качестве приглашенной звезды во многих театрах мира. Повлияло ли это на вашу карьеру?

— Да, и очень сильно. В Гранд-Опера, например, отличные классы, там другая техника ног, вращений и прыжков. Если бы это соединить с нашей школой, добивающейся гармонии движений рук и корпуса... В Париже я внимательно смотрела, как артисты сами работают в классе. Непроизвольно начинаешь это перенимать, чтобы не выглядеть белой вороной. Потом новые приемы "входят" в собственное тело, начинаешь их чувствовать и понимать. Они становятся твоими.

— А не теряется ли этот опыт со временем?

— Теряется. Я стараюсь следить за стопой, за выворотностью, но многого легче и естественнее, когда все вокруг делают так же внимательно и скрупулезно.

— В прошлом сезоне вы должны были танцевать в Мариинском театре "Ундину" Пьера Лакота...

— Да. И мы в Мариинке "Ундину" практически всю выучили. Работали напряженно, ежедневно по три часа, помимо репетиций текущего репертуара и плановых спектаклей. Но получилось так: Лакот поставил спектакль и уехал, а когда вернулся, я была на своих личных гастролях. Вскоре вернулась я и поняла, что не знаю этот спектакль, потому что Лакот успел переставить все по-другому. Меня это сильно огорчило, пришлось учить заново. К сожалению, наш труд никому оказался не нужен — спектакль отменили.

— Какие у вас планы в наступающем сезоне?

— Я перешла в Большой театр, начала постепенно входить в его репертуар. Есть и зарубежные контракты на спектакли и гала-концерты. Буду снова танцевать в Милане, в Гранд-Опера, в Токио... Если появится возможность, то и в

Мариинском театре. Приглашений много. Но от многих приходится отказываться, потому что понимаю, что должна находиться в Большом театре.

— Вы балерина с мировой известностью, есть ли у вас агент, который занимается вашими делами, вашим имиджем?

— Нет, агента у меня нет. Был какой-то момент, когда мне такой человек был нужен, потому что я уже набрала репертуар, но была неизвестна в широком балетном мире. Тогда я никого не нашла, и тот момент быстро промелькнул. Через несколько месяцев мне начали приходить многочисленные приглашения. Когда приезжаешь в какой-то театр, это уже в прессе освещается, и как-то все само собой раскручивается. А устраивать специально какие-то акции... на это нужны большие деньги. Я об этом просто не думаю.

— А чего вы хотите добиться в "небалетной" жизни?

— Первое мое желание, еще с детства, — научиться водить машину. Просто мечтаю водить автомобиль, хотя, когда я еду в качестве пассажира, понимаю, что мне нужен водитель, потому что я очень несобранная, невнимательная — рекламу рассматриваю, дома, прохожих. Люблю, одним словом, глазеть по сторонам. Конечно, за рулем этого себе не позволишь.

— Когда-то вы резко изменили свою судьбу, перейдя из Киевского училища в Вагановское, сейчас сменили Мариинский театр на Большой...

— Чувствую, что в моей жизни сейчас что-то будет сильно меняться. Мне эти перемены интересны, мне они нужны. Хочется каких-то новых ощущений, и мне приятно, что я буду их испытывать...

Беседу вела
Марина РАДИНА
Фото Михаила ЛОГВИНОВА

С. Захарова в спектакле "Шехеразада"